

Годъ III.

ВѢСТНИКЪ

ГРАЖДАНСКАГО ПРАВА

ИЗДАВАЕМЫЙ

М. М. ВИНАВЕРОМЪ

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТИИ

проф. Д. Д. ГРИММА, проф. В. Б. ЕЛЪЯШЕВИЧА,
проф. М. Я. ПЕРГАМЕНТА и проф. I. А. ЦОКРОВСКАГО.

№ 6.

Октябрь.

1915 г.

ПЕТРОГРАДЪ.

Памяти Васи́лія Лавре́нтьевича Иса́ченко.

Изъ рукъ престарѣлаго Васи́лія Лавре́нтьевича Иса́ченко выпало перо. Онъ не выпускалъ его до послѣдняго вздоха, точно въ немъ была вся его жизнь—быть можетъ, нѣчто болѣе цѣнное, чѣмъ сама жизнь. Отмирали всѣ интересы, внѣшній міръ замыкался передъ больнымъ, исхудалымъ старцемъ, давно не выносившимъ уже ни свѣжаго воздуха, ни рѣзкой перемены зрительныхъ впечатлѣній—оставались четыре стѣны кабинета, среди которыхъ продолжала горѣть отвлеченная отъ внѣшнихъ впечатлѣній мысль,—продолжало работать перо. И, когда уже смерть стояла у изголовья, за полчаса до рокового конца, Иса́ченко, зная, что близокъ его часъ, спѣшилъ дописывать свое послѣднее мнѣніе по очередному сенатскому вопросу — мнѣніе, съ пѣтетомъ прочтенное затѣмъ, черезъ три дня послѣ его смерти, сенаторскою коллегіею при рѣшеніи спорнаго дѣла. Не много найдется примѣровъ такой благородной, трогательно-наивной вѣры въ единоспасающую силу умственного творчества,—такого горделиваго властвованія духа надъ немощною плотью...

Полтора года тому назадъ (въ апрѣлѣ 1914 года) весь юридическій міръ привѣтствовалъ Иса́ченко въ день его семидесятипятилѣтія. Казанскій университетъ призналъ его докторомъ гражданскаго права *honoris causa*; оцѣнкѣ его заслугъ посвящены были обширныя статьи и изслѣдованія, дышавшія признательностью и глубокимъ уваженіемъ къ личности и трудамъ покойнаго. Привѣтствовали тогда юбиляра и мы на страницахъ «Вѣстника Гражданскаго Права» особою статьею, посвященною характеристикѣ личности и оцѣнкѣ судейской и литературной дѣятельности Иса́ченко. Въмѣстѣ со все́ми друзьями его мы выражали надежду, что «богатый опытъ и чуткая судейская совѣсть Иса́ченко еще долго будутъ служить дѣлу русскаго правосудія». Этимъ надеждамъ, увы, не

суждено было сбыться: правосудіе слишкомъ скоро потеряло достойнѣйшаго служителя.

За истекшіе полтора года Исаченко продолжалъ писать и засѣдать въ качествѣ кассационнаго судьи—онъ сдѣлалъ за это время больше, чѣмъ иные успѣваютъ сдѣлать въ десятокъ лѣтъ,—но къ общей характеристикѣ, данной тогда, въ апрѣлѣ 1914 г., новыхъ штриховъ этотъ краткій промежутокъ времени, естественно, не прибавилъ. Мѣсто, занимаемое Исаченко среди русскихъ процессуалистовъ, было уже тогда очерчено, характерныя черты его, какъ судьи и человѣка, уже тогда были отмѣчены. Только чувство, съ которымъ все это писалось тогда, не то чувство, съ которымъ оно вспоминается теперь. Тогда была радость отъ сознанія, что въ нашей средѣ движется еще эта неутомимая мысль,—нынче это скорбное созерцаніе того, что минуло и больше не воротится.

Быть можетъ, это чувство даетъ большее просвѣтленіе сознанію,—быть можетъ, подъ дѣйствіемъ его рѣзче выступаютъ контуры отошедшаго въ вѣчность, глубже становится умиленіе передъ жизненнымъ подвигомъ этого самоучки-юриста, подъявшаго на свои плечи трудъ, котораго не могли исполнить за 50 лѣтъ существованія новаго суда всѣ вышколенные юристы. Сколько нужно было вѣры въ идею права, сколько дѣйственной любви къ человѣку, страждущему отъ неправды, чтобы преодолѣть всѣ внѣшнія затрудненія,—теоретическую неподготовленность, условія провинціальной жизни, отсутствіе книгъ, недостатокъ въ руководителяхъ,—и отъ занятія «теоретической ариметикой» перекинуться въ житейскую накипь мелкихъ на видъ интересовъ, пытливо отыскивать ихъ осмысленія и посвятить затѣмъ всю свою жизнь на вѣдреніе въ эти мелкія дѣла людскія, столь далекія отъ возвышенно-холодныхъ математическихъ проблемъ,—не менѣе возвышенную, но не легко доступную, не всякимъ ощущаемую, чистую идею права. И сколько нужно было природныхъ данныхъ, чтобы, при отсутствіи систематической спеціальной подготовки, занять передъ лицомъ цѣлыхъ поколѣній судей и адвокатовъ то же положеніе въ области гражданскаго процесса, которое занялъ въ области матеріальнаго права такой одаренный и превосходно образованный юристъ, какъ Побѣдоносцевъ. Ибо безспорно, что только имъ двумъ—или, если угодно, имъ двумъ въ наибольшей степени—присвоено въ нашихъ судахъ

по традиціи нѣчто подобное римскому *jus respondendi*. Только ихъ авторитетъ приближается въ глазахъ нашихъ судей къ авторитету кассационныхъ рѣшеній. По натурѣ совершенно не схожие, по характеру умственнаго кругозора и политическихъ взглядовъ чуть ли не антиподы, они однако въ одномъ были близки, и это одно создало обоимъ одинаковую силу и вліяніе въ нашемъ судебномъ обиходѣ. Оба они обладали тенденціею и особымъ умѣніемъ подходить къ явленіямъ съ мѣриломъ непосредственной жизненности—оба не гнушались самаго хулимага, имѣющаго однако въ себѣ непреодолимую привлекательность—метода: такъ называемой казуистичности. Да, несомнѣнно, изъ однихъ казусовъ системы не построишь и въ поискахъ за рѣшеніемъ случаевъ непредусмотрѣнныхъ остановишься на распутьи безъ руководства общей идеи. Но, при правильномъ жизненномъ чутьѣ, каждое звено въ этой дробной цѣпи случаевъ приобретаетъ убѣдительность само по себѣ,—и при извѣстномъ уровнѣ юридическаго мышленія въ странѣ, оно дѣйствуетъ на людей сильнѣе самаго точнаго и безошибочнаго вывода изъ общей идеи. Наше юридическое мышленіе еще только образуется; для нашихъ судей абстрактная идея не всегда обладаетъ тою степенью повелительности, какую обладаетъ конкретное, отъ здраваго смысла идущее частное рѣшеніе. Нужно только, чтобы эти частныя рѣшенія были умѣло предугаданы, чтобы въ нихъ ощущалось стремленіе къ внутренней правдѣ; а отсутствіе связи, отсутствіе стройности системы, подчасъ и наличность противорѣчій, легко простится. Не характерно ли, что спеціально въ области процесса, построеннаго у насъ на систематическомъ судопроизводственномъ кодексѣ, никакія общія теоріи, отражающіяся и въ профессорскихъ курсахъ и въ журнальныхъ статьяхъ, не находятъ доступа къ судебной практикѣ и не оказываютъ на нее почти никакого вліянія, а вліяніе оказывается именно «казуистическими» трудами Исаченко и Анненкова—двухъ самоучекъ-казуистовъ?

А если отъ этихъ результатовъ—отъ степени вліянія на практику—перейти къ самому процессу творчества, къ тѣмъ душевнымъ силамъ, которыя здѣсь приведены въ дѣйствіе, то изумленіе наше окажется еще значительнѣе. А. В. Завадскій въ очеркѣ объ Исаченко (Юридич. Вѣстникъ, 1914 г., кн. VII—VIII) неоднократно подчеркиваетъ необычайную логиче-

скую силу въ работахъ второго нашего процессуалиста, Анненкова, досужаго помѣщика, впитавшаго въ себя французскіе учебники и старавшагося затѣмъ разрѣшать всѣ поставленныя французами проблемы съ точки зрѣнія нашего устава,—разрѣшать отъ одного разума, безъ какого-либо запаса личнаго опыта. Исаченко противопоставляется Анненкову, какъ человѣкъ опытный, пишущій исторію своихъ судебныхъ переживаній. Но въ этомъ нѣтъ еще всей разгадки успѣха, нѣтъ разгадки той долговѣчности, которую признаетъ Завадскій за трудами Исаченко. Ибо и переживать и суммировать свои переживанія можно разво. Разгадка заключается, быть можетъ, въ томъ, что у Исаченко въ несравненно большей мѣрѣ, чѣмъ у Анненкова, было чувство мѣры,—умѣнье удержаться на наклонной плоскости выводовъ и слишкомъ мелочного крохоборства, которое и при казуистическомъ трактованіи предмета должно имѣть извѣстные предѣлы для того, чтобы методъ сохранилъ главную, единственную прелесть свою: непосредственную жизненность. Исаченко было присуще это ощущеніе предѣловъ: у него было нѣчто отъ *bons sens* французскихъ юристовъ-практиковъ, умѣющихъ, при всей склонности къ резонерству, во-время остановиться, повинаясь элементарному—если угодно, эстетическому—чутью. Резонерства у Исаченко было мало—я бы сказалъ даже: слишкомъ мало—тѣмъ сильнѣе оказывалось чувство мѣры. Даже по отношенію къ строю гражданскаго процесса въ цѣломъ было у него не столько догматическое знаніе, сколько ощущеніе его внутренней архитектурности. Изъяны и дефекты процесса восполнялись и чинились не столько съ точки зрѣнія абстрактныхъ ученій, сколько съ точки зрѣнія бессознательно ощущаемой связности частей. Это ощущеніе могло подчасъ обманывать, могло запутываться и сбиваться съ пути, когда требовалось точно формулированное обобщеніе, но рѣдко оно приводило въ ложной цѣпи послѣдствій, обусловленной единственно ложностью исходной точки зрѣнія. И какъ судья при разрѣшеніи спора всегда остается во власти впечатлѣній отъ конкретнаго случая, такъ Исаченко и въ области общихъ научныхъ проблемъ могъ ориентироваться только черезъ ощущеніе частныхъ конкретныхъ случаевъ—дѣйствительныхъ или фиктивныхъ. Не ученый опредѣлялъ въ немъ судью, а судья опредѣлялъ ученаго. Методы судейскаго творчества проникли въ область,

обычно изслѣдуемую другими путями, и дали своеобразный результатъ: судью, ученаго математика, юриста-самоучку въ роли авторитетнѣйшаго толкователя одного изъ крупнѣйшихъ актовъ законодательнаго творчества эпохи великихъ реформъ.

Чувство мѣры, связываемое съ ощущеніемъ живого конкретного случая, опредѣляло и его стиль. Этотъ стиль былъ не яркій, безъ блестокъ и безъ образности, но простой и ясный, какъ бываетъ ясно ощущеніе отчетливо видимаго простого явленія. Этотъ стиль не пестрилъ ни научными терминами, ни иностранными словами, ни сложными періодами, отражающими сложность и развѣтвленность мысли. Этотъ простой, ясный стиль покоился на довѣріи къ читателю, на предположеніи, что онъ самъ ясно воспринимаетъ явленіе по одному общему абрису, что онъ самъ доскажетъ себѣ всѣ нужныя оговорки,—безъ педантическаго перечисленія ихъ тутъ же въ вереницѣ придаточныхъ предложеній всѣхъ ранговъ и наименованій. Этотъ стиль чуждался цитатъ, ссылокъ на авторитеты: ясная, простая мысль, черпающая свою силу въ непосредственномъ ощущеніи, рѣдко ищетъ опоры въ чужомъ мнѣніи; она, съ неподражаемою вѣрою въ свою собственную силу, опирается на свою внутреннюю непосредственную убѣдительность, и больше ни на что...

Таковъ былъ размахъ, такова сфера дѣйствія и таковы творческія душевныя силы отошедшаго въ вѣчность судьи-процессуалиста. Въ минуты разставанія съ прахомъ покойнаго, въ минуты первыхъ сосредоточенныхъ воспоминаній о человѣкѣ, только-что ушедшемъ, только эти общія очертанія рисуются,—только они адекватны живому чувству скорби и сожалѣнія. Все прочее, болѣе дробное или болѣе углубленное—есть дѣло спокойной, объективной научной оцѣнки въ будущемъ. Для такой оцѣнки матеріала накоплено много. Въ этомъ матеріалѣ окажется несомнѣнно много ошибокъ и недочетовъ, окажутся и бесплодные, слишкомъ смѣлые порывы въ область общихъ вопросовъ, не разрѣшимыхъ тѣми методами, которые составляли силу Исаченко. Но не окажется во всемъ, написанномъ Исаченко, ни одной строки, не продиктованной неподкупною, безграничною пылливостью ума и чистымъ побужденіемъ совѣсти, ищущимъ правды, и только правды.